

При новой встрече У Цзэ наконец набрался смелости и посмотрел Ин Фэну прямо в глаза.

У Цзэ откровенно признался, что общаться с Ин Фэном невероятно легко. Сам он был парнем довольно скрытным, близких друзей почти не имел, да и выслушивать его откровения никто особо не стремился. Что уж говорить о разговорах про бывшего — вся его семья, от родителей до старшего брата с женой, занимала должности на госслужбе, так что о своей ориентации У Цзэ приходилось молчать в тряпочку. С тех пор как его бросили, Ин Фэн оказался единственным человеком, выслушавшим его излияния.

Ин Фэн отнесся к этому с пониманием. Сам он редко делился переживаниями, но окружающие — будь то сокурсники или коллеги — постоянно изливали ему душу. Фэн Лэйлэй как-то подметила, что он буквально излучает тепло и покой. Она любила на досуге поколдовать над натальными картами и со знанием дела вещала, что Луна у Ин Фэна находится в Раке, в двенадцатом доме, да еще и Хирон там же — словом, целитель от природы.

Ин Фэн во всей этой астрологии не смыслил ни ухом ни рылом, но слова коллеги в памяти отложились.

Вот и сейчас вышло ровно так же: кандидат со свидания вслепую, с которым они виделись всего раз, вытащил его на встречу исключительно ради того, чтобы поностальгировать о бывшем.

Они снова отправились в то же заведение с хого. У Цзэ с улыбкой спросил:

— Вернувшись домой, я заглянул в ваши «Моменты», учитель Ин, и только тогда понял, что вам нравится это место. Вы так сильно любите хого?

— Да, обожаю! Причем любое, какое только бывает!

У Цзэ простодушно рассмеялся:

— Хе-хе, тогда давайте почаще выбираться вместе, учитель Ин.

Его «хе-хе» действительно было самым обычным, бесхитростным смешком и не имело ничего общего с язвительной усмешкой.

Ин Фэна это позабавило. Он сам перевел тему на бывшего парня У Цзэ, и того, как и следовало ожидать, понесло — стоило заговорить о старой любви, как поток откровений стал не остановить. Они уже закончили ужинать, а У Цзэ все продолжал изливать душу.

— Он ведь тебя бросил, неужели ты не держишь на него зла? — искренне недоумевал Ин Фэн.

— Злился, конечно. Но все равно до сих пор тоскую.

Ин Фэн скользнул взглядом по спутнику: приятная внешность, открытое лицо, честный, добрый — золото, а не парень. И как только у кого-то поднялась рука бросить такого? Видимо, правы люди: чем человек бесхитростнее, тем проще вытирать об него ноги.

Впрочем, первая любовь действительно врезается в память намертво.

Покончив с ужином, они лениво брели по торговому центру, пока У Цзэ продолжал тоскливо перебирать воспоминания.

Ин Фэну не было скучно — он давно привык работать жилеткой для чужих слез.

Когда У Цзэ наконец иссяк, он предложил заглянуть в часовой отдел. Ин Фэн не возражал. Они зашли в салон Longines — бренд, лицом которого когда-то был Цзинь Шу. В те годы Ин Фэн как раз оканчивал бакалавриат и безумно хотел поддержать любимого актера, но цены кусались немилосердно. Ирония судьбы: прошло несколько лет, а купить эти часы он по-прежнему не мог себе позволить.

Ин Фэн тихонько вздохнул.

У Цзэ обернулся, указал на одну из моделей под стеклом и спросил его мнение. Ин Фэн рассеянно мазнул взглядом по циферблату и кивнул в знак одобрения.

У Цзэ тут же заявил, что готов купить их и преподнести ему в подарок. Ин Фэн от неожиданности едва не лишился дара речи и принялся отмахиваться руками и ногами.

У Цзэ смущенно пробормотал:

— Я сто лет ни с кем так откровенно не разговаривал. Спасибо вам, учитель Ин, за терпение. Представляю, как я вам надоел. Спасибо, что выслушали как друга. Пусть это будет скромным подарком в честь нашего знакомства...

У богатых свои причуды: выложить больше десяти тысяч юаней за безделушку ради «подарка новому другу» для них, видимо, сущая ерунда. Ин Фэн со своей учительской зарплатой этого понять не мог.

Ин Фэну пришлось приложить немало усилий, едва ли не силой оттащивая У Цзэ от прилавка, чтобы отговорить от этой безумной щедрости.

Но У Цзэ упрямо настаивал на презенте. Поняв, что так просто не отделаться, Ин Фэн со вздохом сдался:

— Ладно, если тебе так не терпится сделать подарок, купи мне главный атрибут каждого уважающего себя крутого парня — часы со Свинкой Пеппой!

— Без проблем! — легко согласился У Цзэ, даже не подозревая, в чем подвох.

К нему на выручку пришел магазин игрушек на том же этаже. Но когда У Цзэ узрел на прилавке пластиковые детские часы со Свинкой Пеппой, его лицо вытянулось от крайнего изумления.

Ин Фэн со смехом нацепил яркий ремешок на запястье и заставил У Цзэ сделать то же самое. Вытащив телефон, он сфотографировал их сложенные рядом руки и, не задумываясь, выложил снимок в свои «Моменты», снабдив подписью: «Сегодня вечером мы реальные пацаны [смайлик с собакой]».

Под постом мгновенно выросла стена из комментариев с раскатистым «ха-ха-ха» от бывших однокашников, коллег по школе и даже некоторых родителей его учеников.

У Цзэ довез его до дома. Всю дорогу они продолжали весело болтать, а уже поднимаясь по лестнице к своей квартире, Ин Фэн на автомате заглянул в телефон, чтобы проверить новые уведомления. Лайков прибавилось прилично. Он уже собирался заблокировать экран, как вдруг взгляд зацепился за одну деталь. Сердце пропустило удар. Ин Фэн пригляделся внимательнее: среди длинного списка оценивших красовался лаконичный ник «Шу».

Ин Фэна мгновенно прошиб холодный пот. Он забыл! Совсем вылетело из головы, что только сегодня утром он добавил Цзинь Шу в контакты!

«Я точно свинья. Не зря нацепил часы со Свинкой Пеппой».

Раз уж божество снизошло до лайка, продолжать притворяться мертвым было верхом глупости. Кумир сам добавил его в WeChat, а теперь еще и оценил глупую шутку. Если он сейчас не напишет первым, это будет выглядеть просто некультурно.

На дворе стоял прохладный октябрь, но Ин Фэн взмок так, будто стоял в парилке. Замерев перед дверью квартиры, он долго топтался на месте, после чего дрожащими пальцами открыл вкладку со стикерами, где у него хранились гифки с изображением Цзинь Шу. Он планировал отправить нейтральное приветствие «Hi», но палец предательски соскользнул, и в чат улетело огромное пульсирующее сердечко.

Он со всей силы шлепнул себя по руке, а затем зажмурился и закрыл лицо ладонями, не смея больше смотреть на экран.

«Лучше сразу сквозь землю провалиться от собственной тупости».

Тем временем Цзинь Шу сидел в уютном плетёном кресле. Из-за его плеча лился мягкий свет высокого торшера, идеально освещая пространство вокруг.

Мягкое свечение выхватывало его силуэт из темноты комнаты. Подушечка большого пальца лениво скользила по экрану смартфона. Виртуальное бытие Цзинь Сяояя почти целиком умещалось на просторах Weibo, в то время как «Моменты» в WeChat отражали реальные, будничные крупницы жизни Ин Фэна. Сложив обе мозаики воедино и досконально изучив профиль Цзинь Сяояя, он мог бы воссоздать всю картину его жизни за последние годы.

И все же это было лишь иллюзией полноты, ведь история в WeChat не могла охватить долгие восемь лет их разлуки.

К тому же эти записи оставались лишь разрозненными, обрывочными фрагментами.

Палец Цзинь Шу скользнул чуть ниже и замер на свежей публикации Ин Фэна.

Нынешняя детвора повально сходила с ума по «Свинке Пеппе», и Цзинь Бэйбэй не был исключением. Цзинь Шу постоянно пропадал на работе и времени сыну уделял преступно мало, но каждую редкую минуту отдыха старался посвятить ему. Как-то раз они вместе смотрели этот мультфильм: Бэйбэй тогда заливисто хохотал, и на душе у отца становилось тепло.

Однако сейчас забавная розовая свинка на фотографии казалась ему на редкость раздражающей.

Пока он разглядывал снимок, экран замигал от входящего вызова. Изменив положение тела, Цзинь Шу принял звонок. Голос на том конце провода быстро заговорил. Подперев голову рукой, актер молча слушал, вникая в каждое слово. Неожиданно он перебил собеседника:

— Longines?

Он понимающе кивнул, послушал еще немного и нажал кнопку отбоя.

Вернувшись к «Моментам», он скользнул взглядом под фото с часами — там красовался вчерашний снимок с хого.

То ли освещение легло так удачно, то ли дело было в природной бледности, но белый фарфоровый стакан в руках Ин Фэна казался темнее его собственной кожи. Неужели он действительно настолько обожает хого? На снимке парень улыбался так лучезарно, что уголки его губ, казалось, взлетели до самых ушей.

Глядя на это, Цзинь Шу сам не заметил, как его губы тронула легкая улыбка.

И хотя эта фотография уже давно покоилась в его галерее, он неосознанно нажал на экран и сохранил ее еще раз.

Стоило картинке скачаться, как его личный профиль в WeChat, где числился единственный контакт, ожил.

Ин Фэн прислал сообщение. Открыв диалог, Цзинь Шу с удивлением обнаружил... собственный анимированный стикер. Фотография для него была сделана года три назад. На ней он выглядел куда более живым и непосредственным, чем сейчас — пусть даже та веселость была лишь безупречно отыгранной ролью.

Устроившись в кресле поудобнее, актер не торопясь набрал ответ:

— Учитель Ин, вам так нравится этот стикер?

Ин Фэн отозвался мгновенно:

— Да, очень!

Не успел Цзинь Шу коснуться клавиатуры, как Ин Фэн удалил свое сообщение и тут же прислал новое:

— Ой, простите, я случайно отправил...

Цзинь Шу тихо усмехнулся.

Строка статуса вверху экрана то и дело загоралась надписью «Печатает...». После долгой и мучительной паузы Ин Фэн наконец выродил оправдание:

— Моей девушке он безумно нравится... Она постоянно его шлет, вот и я привык...

Цзинь Шу, по-прежнему подпирая подбородок рукой, тепло рассмеялся, отчего его глаза весело сощурились.

Свободной рукой он набрал:

— Рад, что он вам по душе.

На том конце провода снова надолго загорелся статус «Печатает...». На этот раз пауза растянулась до неприличия, но в итоге прилетел лишь один скромный улыбающийся смайлик.

Забавная неловкость собеседника вызвала у Цзинь Шу новую улыбку. Он сохранил ту самую фотографию с часами Свинки Пеппы из «Моментов» и отправил ее прямо в чат.

Увидев снимок в диалоговом окне, Ин Фэн почувствовал, как сердце ухнуло в пятки.

«Зачем он это прислал?! Там ведь отчетливо видны две мужские руки... Вдруг он догадался, что я гей? Вдруг решит, что я какой-то извращенец?»

Он замер в паническом ожидании вердикта.

— Мило смотрится, — пришло сообщение от Цзинь Шу.

Ин Фэн шумно выдохнул, но на экране уже высветилось следующее предложение:

— Тоже хочу купить такие для Бэйбэя, только ума не приложу, где их искать.

Поддавшись порыву, Ин Фэн настрочил:

— Я знаю где!

— Он прямо сейчас ревет и требует их себе, — незамедлительно пошутил Цзинь Шу.

Ин Фэн тут же засуетился:

— Тогда давайте я завтра отдам свои Бэйбэю! Как раз принесу в школу!

— Огромное спасибо, учитель Ин, — мгновенно отозвался Цзинь Шу.

Ин Фэн почувствовал, как к щекам прилила кровь, и торопливо отстучал по клавиатуре:

— Да не за что, пустяки!

— С капризами детворы порой так трудно совладать, я искренне вами восхищаюсь. Неудивительно, что ученики в вас души не чают. У Бэйбэя характер тот еще, но перед вами он так послушен.

От таких комплиментов Ин Фэн готов был взлететь на седьмое небо от счастья. Кумир мало того что хвалил его, так еще и восхищался его работой! Потеряв от восторга всякую бдительность, он на одном дыхании напечатал:

— Что вы, это моя работа! Вот вы действительно совершаете подвиги! Актерский труд — это колоссальное испытание. Особенно ваш новый фильм. Вы ведь столько тренировались перед запуском проекта, да еще и похудели ради роли на целых два с половиной килограмма! Наверняка нормально и не ели вовсе. А вчера режиссер написал у себя в Weibo, что в сложнейшей сцене драки вы отказались от дублера. Сняли больше десятка дублей, режиссер уже готов был утвердить сцену, но вы требовали идеала. Страхочные тросы все тело в кровь изрезали, на эти красные следы смотреть страшно было...

Он нажал кнопку отправки, даже не удосужившись перечитать написанное.

И лишь секунду спустя до него дошло, какую непростительную глупость он сморозил. Тот режиссер вел крайне непубличную жизнь, его Weibo был сугубо личным уголком с парой тысяч подписчиков, который преданные фанаты откопали буквально под микроскопом. Обычный человек, не принадлежащий к закрытому кругу фанатов, физически не мог знать таких деталей!

В панике Ин Фэн поспешно зажал сообщение и нажал «Удалить».

Избавившись от улики, он судорожно напечатал:

— Ой, простите, я опять промахнулся по экрану...

Глядя на экран телефона, Цзинь Шу не выдержал и тихо рассмеялся вслух.

Пролистав галерею, он выбрал снимок, который вчера на съемочной площадке по его просьбе сделал помощник Сяо Ши, и отправил его Ин Фэну.

Когда Ин Фэн открыл в чате снимок, у него буквально глаза разбежались.

Цзинь Шу обладал выразительными чертами лица из-за смешанного происхождения, что накладывало определенные ограничения на его роли. За долгие годы карьеры он ни разу не играл в классических исторических драмах, ограничиваясь разве что фэнтези. В этот раз ему действительно досталась роль благородного воина, пусть по сюжету тот и был родом из Западных краев. Однако критики сомневались, справится ли актер: его внешность казалась слишком изысканной и холеной, лишенной той суровости и простоты, что отличали героев традиционных романов о боевых искусствах.

К тому же съемки окутывала строжайшая секретность. Группа специально уехала за кадрами глубоко в пустыню, наотрез отказавшись от любых визитов прессы и фанатов.

Хейтеры тщетно пытались выудить хоть крупицу информации, но и поклонникам вроде Ин Фэна приходилось несладко — сеть не видела ни одного промо-фото или официального кадра! На церемонии запуска съемок все актеры позировали в обычной одежде. Ин Фэн до безумия

хотел увидеть Цзинь Шу в образе благородного разбойника, и вот этот момент настал.

У него просто не находилось слов, чтобы описать нахлынувшие чувства.

По сценарию его персонаж происходил из Западных краев, так что Цзинь Шу даже не пришлось скрывать свой природный цвет глаз за темными линзами. На фотографии он предстал в простом дорожном костюме приглушенных черно-красных тонов, припорошенном песком, с живописно надорванными краями одежд. За плечом у него угадывались очертания широкого палаша, а сам он, резко развернувшись, наносил стремительный удар мечом назад. Голову покрывал глубокий черный капюшон, из-под которого у висков выбивались темные вьющиеся пряди. Лицо до половины скрывала темная ткань, оставляя открытыми лишь пронзительные сапфировые глаза. Его взор, казалось, прошивал насквозь завесу песчаной бури и проникал в самую глубину души, раня острее любого клинка.

У Ин Фэна снова подкосились ноги.

Ему казалось, что пронзи его Цзинь Шу этим самым мечом прямо сейчас, он бы испустил дух абсолютно счастливым. Он снова без остатка тонул в бездонных синих глазах.

В чате даже наводящая ужас надпись «Печатает...» исчезла.

— Образ кажется неудачным? — вовремя поинтересовался Цзинь Шу.

Ин Фэн моментально засыпал экран восклицаниями:

— Что вы! Потрясающе! Вам невероятно идет!

Он готов был буквально разрыдаться от переполнявшего его восторга.

— Этот кадр видел только ты, — с улыбкой вывел Цзинь Шу на экране.

От такого признания пальцы Ин Фэна задрожали еще сильнее. Он торопливо отпечатал клятву:

— Я никому-никому его не покажу! Буду хранить только для себя!

В этот момент Фэн Лэйлэй снова открыла дверь, неся мусорное ведро. Замерев перед подрагивающим от возбуждения соседом, она испуганно вскрикнула:

— Да что с тобой такое творится?!

— Сестра... — Ин Фэн медленно поднял на нее затуманенный взгляд.



— Очнись, вернись в реальный мир! — Фэн Лэйлэй энергично помахала ладонью перед его лицом.

Ин Фэн с таким лицом, будто вот-вот расплчется, зомбиподобно прошествовал мимо нее в квартиру и ничком повалился на диван. Пока Фэн Лэйлэй ходила к мусорным бакам, он лежал на животе и продолжал увлеченно переписываться с Цзинь Шу.

— Учитель Ин, вы когда-нибудь бывали в пустыне? — поинтересовался Цзинь Шу.

Ин Фэн поспешно настроил в ответ:

— Да, бывал! Во время учебы в бакалавриате и магистратуре я ездил волонтером-преподавателем на запад страны. Те края просто прекрасны! Я даже на верблюде катался!

— Мы сейчас как раз снимаем среди дюн, здешние виды действительно завораживают, — отозвался Цзинь Шу.

Ин Фэн торопливо добавил:

— Только солнце там беспощадное, берегите себя, пожалуйста!

Отправив сообщение, Ин Фэн снова запаниковал и едва не удалил его.

«Я ведь не перешагнул черту дозволенного? Обычная вежливая забота учителя о родителе ученика, ничего лишнего».

На лице Цзинь Шу играла теплая улыбка. Он продолжил расспросы:

— Учитель Ин, раз вы любите хого, то наверняка цените хорошее мясо? Как вы относитесь к говядине и баранине?

— Обожаю! — лаконично отозвался Ин Фэн.

— В здешних краях готовят изумительную баранину, — завлекал Цзинь Шу.

Ин Фэн увлеченно закивал экрану:

— О да! Когда я жил на западе, постоянно ее ел. Она невероятно нежная и ароматная, совсем не похожа на ту, что продается в наших краях.

Цзинь Шу опустил ресницы, убрал свободную руку от лица и сосредоточенно принялся печатать обеими руками:

— Я как раз привез сегодня немного с собой. Учитель Ин, не окажете ли мне честь разделить со мной ужин?

От этого неожиданного предложения Ин Фэн опешил.

Цзинь Шу снова приглашал его поужинать вместе! Что делать? Как поступить?

Он до безумия хотел согласиться, но понимал, что не должен. Его воля была еще слишком слаба, чтобы противостоять соблазну. Он с таким трудом заставил себя отпустить прошлое, сделать шаг навстречу миру, даже согласился на свидания вслепую — нельзя сдаваться на полпути. Цзинь Шу обладал слишком мощным притяжением, перед которым Ин Фэн оставался абсолютно беззащитен. Стоит им встретиться с глазу на глаз, и все его барьеры рухнут в одночасье, снова превратив его в безумного фаната.

Словно предвидя его колебания, на экране высветилось следующее сообщение:

— Завтра ночью у меня рейс, так что свободен только вечер. У вас получится выкроить время?

«У него такой сумасшедший график... Только вернулся и уже снова улетает. И при этом все равно нашел время, чтобы пригласить меня на ужин».

От жалости и нежности у Ин Фэна защипало в глазах.

Сегодня Цзинь Бэйбэй звал его в гости, и Цзинь Шу, скорее всего, ждал встречи, но Ин Фэн малодушно отказался.

Цзинь Шу ведь ни в чем не провинился. Он просто видел в нем заботливого классного руководителя своего сына и искренне, без всяких задних мыслей, хотел отблагодарить за доброту к Бэйбэю. А Ин Фэн вел себя как трусливый дурак, со своей невысказанной любовью прячась по углам и раз за разом отвергая чистые, дружеские жесты.

Ему казалось, что своей холодностью он ранит чувства Цзинь Шу, и от этого на душе заскребли кошки.

Он торопливо застучал по буквам:

— Да, конечно, я свободен.

Но не успел он коснуться кнопки отправки, как над его ухом раздался голос вернувшейся Фэн Лэйлэй:

— Ты почему сидишь с таким лицом, будто у тебя одновременно горе, радость и глубочайший душевный кризис?

Ин Фэн вздрогнул и испуганно поднял на нее глаза.

— Я мусор вынесла, вернулась, закрыла дверь, постояла прямо перед тобой — а ты ноль внимания, вообще ни на что не реагируешь. С кем ты там так увлеченно переписываешься?

— Да я... просто... — промямлил Ин Фэн.

Фэн Лэйлэй мгновенно уловила это движение. Они всегда безгранично доверяли друг другу, и Ин Фэн прекрасно знал, что она никогда не станет заглядывать в его переписку. Прежде он никогда так не скрытничал. Но то, с какой паникой он закрыл экран, выдавало его с потрохами. Парень явно чувствовал себя виноватым.

— Фэнфэн, ты сам не свой в последнее время, — посерьезнела коллега. — Мне казалось, вы с У Цзэ отлично поладили, но сегодня ты опять раскис. Постоянно витаешь в облаках, тоскуешь. Да что с тобой творится?

— Да я... просто... — промямлил Ин Фэн.

— Фэнфэн, с кем ты все-таки ходил на свидание в тот дождливый день? — ее тон внезапно стал ледяным.

Ин Фэн промолчал, продолжая крепко прижимать ладонь к телефону.

— Неужели это тот самый человек, в которого ты был влюблен?! — Фэн Лэйлэй сорвалась на крик. — Я так и знала! С чего бы тебе вдруг соглашаться на свидания вслепую, когда я два года умоляла тебя об этом, а ты лишь отнекивался? Стоило ему снова замаячить на горизонте, как ты растерял последние мозги! Ты ведь сам его боишься, раз побежал искать кого-то другого, зачем тогда вообще согласился на встречу с ним?

— Нет, нет, это не он, честное слово, не он... — забормотал Ин Фэн.

— Ты прождал его весь день под проливным дождем, из-за него признался во всем приемным родителям, которые выставили тебя на улицу. Ты лишился дома, горел в бреду с дикой температурой, едва рассудка не лишился! Ты все это забыл?! Умоляю тебя, если это он — немедленно прекрати это безумие! У него еще хватило наглости явиться к тебе?!

— Нет, это правда не он, клянусь тебе... — покачал головой Ин Фэн.

— Вокруг полно других мужчин, неужели свет клином сошелся на нем одном? Восемь лет прошло, Ин Фэнфэн, умоляю, забудь ты его наконец!

Ин Фэн молча опустил голову. Его пальцы медленно расслабились, открывая потухший экран телефона, сиротливо лежащего на обшивке дивана.

А ведь и правда. Он слушал сегодня У Цзэ, чувствуя легкую грусть и жалость к чужой несчастной любви.

Но что насчет него самого?

В мире миллиарды мужчин, так почему в его сердце до сих пор живет лишь единственный?

<http://bllate.org/book/20637/2132439>